

**ЧЕРНОМОРСКИЕ МОТИВЫ В ЭЛЕГИИ А. С. ПУШКИНА
«...ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ»
(К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ МИХАЙЛОВСКОГО «ПАРНАСА»)***

В статье предлагается вариант нового прочтения реалий Михайловского, изображенных в элегии «...Вновь я посетил», с позиций русской усадебной культуры. В частности, рассматриваются смысловые контексты, связанные с «холмом лесистым», который в пушкинской трактовке представляет собой ни что иное, как парковый «парнас», обителище Аполлона и муз. В результате анализа и сличения белой и черновой рукописей элегии обнаруживается, что автор отступает от первоначальной концепции произведения, в результате чего «внешние» реалии, такие, как «море», «гавани» и пр., уступают место реалиям местным. Итогом данной работы Пушкина становится литературное произведение, реалистически точно отражающее местную специфику ландшафта, через который автор «свидетельствует» о разных периодах посещения им псковского родового имения.

Ключевые слова: эволюция замысла, литературное освоение окружающего ландшафта, воспоминания, «холм лесистый» авторский «парнас» Михайловского.

V. Y. Kozmin

**BLACK SEA MOTIFS IN THE ELEGY OF A. S. PUSHKIN
"...ONCE AGAIN, I VISITED"
(TO THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF "PARNASSUS")**

The article offers an option of a new vision of realias in Mikhailovskoye, depicted in the elegy "...Once again I visited", from the standpoint of Russian estate culture. In particular, it discusses the semantic contexts associated with the "wooded hill", which in Pushkin's interpretation is nothing more than the park "Parnassus", the abode of Apollo and the muses. As a result of the analysis and comparison of the fair and draft manuscripts of the elegy it has been detected that the author departs from the original concept of the work, resulting in "external" realias, such as "sea", "harbour", and so on, giving way to the local ones. The result of this work of Pushkin is a literary work accurately reflecting the local specificity of the landscape through which the author speaks about the different periods of his visit to the Pskov family estate.

Key words: evolution of the idea, the literary development of the surrounding landscape, memories, "wooded hill", the author's vision of "Parnassus" in Mikhailovskoye.

В 1835 году Пушкин в последний раз приехал в Михайловское. В эту осень он написал одно-единственное поэтическое произведение: элегию «...Вновь я посетил». После смерти поэта В. А. Жуковский обнаружил это стихотворение в черновиках ав-

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук № 14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

тора. Василий Андреевич «домыслил» за Пушкина начало первой строки: «Опять на родине!...». Опять-таки, за Пушкина, свою, придуманную строку, «соавтор» вынес в название всего произведения. В таком виде оно впервые было опубликовано в 1837 году в пятом томе журнала «Современник» [18, с. 320]. Странно, но близкий друг погибшего поэта то ли не знал, то ли не хотел знать, что родился А. С. Пушкин не в Михайловском, а в Москве. Следовательно, под «родиной» подразумевается родовое имение матери поэта, в котором Пушкин отбывал ссылку в 1824–1826 годах.

Кроме того, закрепившееся и по сей день бытующее определение элегии, как литературного путеводителя по Михайловскому, страдает рядом изъянов. Наблюдения за ходом работы автора над текстом приводят к выводу о том, что реалии Михайловского на начальной стадии работы мало интересовали поэта. Тот текст белого варианта, который принято печатать в сборниках стихотворений поэта, сложился в какой-то степени случайно, в результате кропотливой работы над текстом, многочисленных стилистических правок и, на наш взгляд, не может считаться окончательным. В ставшем, благодаря публикации Жуковского в 1837 году каноническим, варианте произведения ход работы автора над текстом проявляется только через многоточия, предполагающие дополнительные смысловые контексты.

В элегии, наряду с первым, «программным», многоточием «...Вновь я посетил», присутствует еще два эпизода недосказанности. Первый: между воспоминаниями об «иных берегах, иных волнах» и описанием озера. Второй: между поэтическим изображением состарившейся к 1835 году ветряной мельницы и указанием на место «где в гору подымается дорога». Обратимся к первому отрывку:

...Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зелёных
Оно синея стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывёт рыбак и тянет за собой
Убогой невод ... [9, с. 399].

Этот фрагмент представлен в черновике в трех вариантах. Во всех вариантах упоминается некое место в окрестностях Михайловского под названием «холм лесистый». Здесь, по словам самого автора, он «сиживал», «глядел», «вспоминал». Комплекс ощущений поэта связан с возвышенностью, откуда открывался поэтический вид на реальное озеро, провоцирующий череду воспоминаний и историко-культурных ассоциаций автора. В настоящее время предполагаемое место «холма лесистого» выделено в ландшафте Пушкинского заповедника и получило полуофициальный статус «мемориального» [См.: 21, с. 161–172].

В то же время на планах с. Михайловского, в исторических документах и мемуарных источниках, «холм», как хозяйственный или парковый элемент, не упоминается. Следовательно, он, как видовая точка усадьбы, является сугубо пушкинским «изобретением». Однако «изобретатель» в выборе данного объекта следовал традициям и логике устройства парков, знакомых ему с юношеских лет.

Семантика пушкинского «холма» более всего напоминает парковую затею под названием «парнас». «Парнас» — насыпной холм в парке с видовой дорожкой и площадкой на вершине, открытой на окружающую местность, символическое обиталище Аполлона и муз» [19, с. 324]. То, что пушкинский холм — «парнас» в Михайловском — стал для поэта удобной смотровой площадкой, понятно по содержанию перебеленного варианта элегии. О том, каким образом обыкновенная возвышенность обрела характеристики паркового «парнаса», связанного с музами, искусством и античностью, свидетельствуют черновики.

Пушкинская элегия давно признана эталоном в русской поэзии: «Это очень точное последовательное описание того, что открывалось взору поэта, когда пешком или верхом отправлялся он из Михайловского к своим тригорским друзьям любимой дорогой вдоль озера, по опушке Михайловских рощ. Пейзаж, такой знакомый нам по «Деревне». Но здесь поэт-реалист находит слова еще более точные и конкретные, совсем обыденные, прозаически простые, и в то же время не менее выразительные и эмоциональные...» [3, с. 387]. Однако, при безусловной выразительности и отточенности пушкинских фраз и образов, в тексте встречается несколько авторских определений, вызывающих недоумение. Первое относится к выбору эпитета, характеризующего цвет поверхности озера:

... Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синее стелется широко... [9, с. 399].

Определение «синий» не совсем точно характеризует реальный цвет осенней поверхности озера, а также не вписывается в ряд соотносимых с ней традиционных эпитетов, принятых в поэзии пушкинского времени. Стихотворение было создано в период между 21 и 26 сентября 1835 года [См.: 5, с. 344–345]. О том, какой в это время была погода в Михайловском, свидетельствует письмо поэта к жене, написанное 21 сентября: «...Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду» [13, с. 49]. Заметить синеву в обложном серыми тучами октябрьском, а по современному летосчислению, ноябрьском псковском небе весьма затруднительно. Поскольку водная поверхность обладает отражательной способностью и является, по сути, зеркалом, передающим цвета и оттенки небесного свечения, можно предположить, что и озерная поверхность в это время имела вовсе не «голубой», а «пасмурный», сероватый оттенок. Ранее, когда поэт приехал в михайловскую ссылку, в «октябрьском» письме В. Ф. Вяземской у него встречается еще более хлесткий «авторский» эпитет, в том же цветовом ключе характеризующий небесную и, как следствие, отражающую ее, водную поверхность: «Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчание ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства; но, слава <богу>, небо у нас сивое, луна точно репка» [12, с. 114]. Очевидно, что первые месяцы ссылки в Михайловское поэт видел окружающую его действительность в «черном» цвете. Но этот «цвет» относится скорее к психологическим и нравственным переживаниям изгнанника, никак не отразившимся на художественном изображении окружающей его серой и пасмурной природы. В том же письме присутствует еще одна, на этот раз, звуковая специфика, отличающая юг от севера. «Журчание» ручья становятся для автора карикатурным напоминанием о морском прибое, совсем не характерном для северных озер, рек и ручьев.

В декабре 1824 года в письме Д. М. Шварцу поэт подводит неутешительный итог произошедших в его жизни перемен: «...Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы...» [12, с. 404]. Иначе: итальянскую оперу заменили песни крестьян и «пьяный топот трепака», вместо голубого и ясного неба — «сивый» и пасмурный небосвод, а вместо свободной стихии моря — «домашний» ручей и озеро, серое и смиренное.

В произведениях Пушкина эпитеты, характеризующие цвет и состояние поверхности озера, встречаются редко. В юношеском стихотворении «Сон», передающем пейзаж Царского Села, водная стихия озера тиха и безмятежна:

...Златых озер недвижно дремлют волны.
Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубока ваш будет сон [7, с. 145].

Появление следующего «озерного» эпитета связано с поездкой в Михайловское летом 1819 года. В период с 15 по 31 июля здесь было написано стихотворение «Деревня». Наряду с целым рядом шаблонных образов и описаний, в тексте присутствует то, что с большой долей вероятности может быть отнесено к реальным отражениям действительности. Причем, что представляется важным, в определенный период времени. Июль в Пушкиногорье — пик лета. Поэтому экскурсионное цитирование фразы «Здесь вижу двух озер лазурные равнины» в эту пору зачастую воспринимается слушателями как литературное «фото» окрестностей Михайловского, сделанное автором «на память». Озер, действительно, два: Маленец и Кучане. А вода, особенно в Кучане, имеет мягкий лазоревый оттенок. Но только летом! В октябре цветовая палитра озера совсем иная, соответствующая пушкинскому восприятию первых месяцев ссылки.

Лазоревый цвет близок к синему. Соответственно, уместной представляется гипотеза относительно авторских реминисценций в элегии, обращенных к впечатлениям и к тексту произведения, созданного в 1819 году. Действительно, поэт снова оказывается в «деревне» под названием сельцо Михайловское, перед ним расстилаются «равнины» все тех же двух озер... Но время создания элегии — не лето, а поздняя осень. Кроме того, автор точно определяет тот хронологический период жизни, к которому обращены его воспоминания. Это — «два года» ссылки. Точнее, начало жизни в Михайловском в качестве ссылочного невольника. А это тот период его жизни, когда озеро, если верить запечатленным в письмах ощущениям поэта, было серым, и «сивым».

Напротив, эпитет «синий» устойчиво повторяется в произведениях Пушкина по отношению к морю. Например, в ученическом стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815 г.):

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала

Туманная луна:
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон ... [7, с. 88].

Далее, в период ссылки на юг, особенно в произведениях, созданных в Крыму, количество обращений к морской тематике возрастает.

На море синее вечерний пал туман («Погасло дневное светило». 1820 г.) [8, с. 135].

Когда на синеве морей // Зефир скользит и тихо веет... («Земля и море». 1821 г.) [8, с. 148].

«...Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...» («Узник». 1822 г.) [8, с. 245].

Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
(«Кто видел край, где роскошью природы...». 1821 г.) [8, с. 170].

В последнем стихотворении любопытен повтор эпитета «лазурный» по отношению к морю, ранее, в 1819 году, адресованный к «летним» озерам Псковского края. Здесь, в вольном или невольном повторе эпитетов, возможно, намечается некоторая связь между описаниями озер и моря, сыгравшая свою роль в сближения двух водных стихий и проявившаяся позднее в процессе создания черновых вариантов элегии.

«Синее» море присутствует также в произведении поэта, место создания которого географически не связано с морем:

... И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды...» [8, с. 218].

Известные строки из стихотворения «К морю» 1824 г., начатого в Одессе: «...Ты катишь волны голубые ... [8, с. 295], также были написаны уже далеко и от моря, и от шумного приморского города, в «глухом» Михайловском.

Кроме цветового эпитета к числу все тех же «странностей», встречающихся в пушкинском тексте элегии, можно отнести выражение «Через его неведомые воды». Почему воды псковского озера становятся неведомыми? Не ведать — не знать. Но какая неизвестность ожидает плывущего по озеру местного рыбака? Волны, шторм? Подобные природные «катаклизмы» возможны на озере, но ущерб от них минимальный. К тому же, в черновых вариантах элегии, автор несколько раз по отношению к озеру употребляет определение «смирненное». И, наконец, наивный, но естественный вопрос, возникающий у любого посетителя музея-усадьбы «Михайловское»: «Почему рыбак в стихотворении «Деревня» не ведает страха и гармонично вписывается в панораму спокойной и безмятежной жизни на лоне природы, а рыбак 1835 года,

постаревший и набравшийся за 16 лет опыта плавания все в том же озере, считает его опасным и неведомым? Очевидно, что состояние озера зависит не от неизвестно откуда взявшихся бурь и непогоды, и даже не от авторского мироощущения, ранее задавшего себе и читателю вопрос «Куда ж нам плыть?», а от чего иного, лежащего на наш взгляд, в разнообразии тематических пластов, возникавших в процессе работы автора над текстом элегии.

Для современного русского читателя определение «неведомые воды» ассоциируется с целым рядом произведений и событий, однозначно связанных со стихией морей и океанов: путешествиями Колумба и Магеллана, или же текстом ставших народными песен и романсов. Таких, например, как романс «Окрасился месяц багрянцем», написанный на слова немецкого поэта Шамиссо, известного нам в переводе Минаева. Здесь путешествие по морю сопряжено с опасностью неведения того, что ждет путешественников в «открытом» море. Того моря, в котором свой, спасительный, берег остался позади, а другого не видеть:

... Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам [17, с. 263].

Те же мысли и ощущения тревожат лирического героя в песне А. Гурилева на слова Н. Ф. Щербины «Раскинулось море широко...». Масштаб и непредсказуемость морской стихии — главная причина ее ужасающей «неведомости»:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Подальше от нашей земли ... [16, с. 439].

О том, какие опасности сулит путешествие по морю, Пушкин убедился сам, когда в августе 1820 года на военном бриге отправился из Феодосии в Гурзуф. Здесь, на корабле, по живым впечатлениям поэт написал стихотворение «Погасло дневное светило...», в котором «синее море» уподобляется «угрюмому океану»:

... Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей ...
... Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан [8, с. 135].

8 февраля 1821 года перед отъездом из Киева в Кишинев, вдали от моря, поэт пишет стихотворение по мотивам идиллии греческого автора Мосха «Земля и море», в котором «демонстрирует» разумный эгоизм «морской» античной культуры. Это своеобразная литературная «Инструкция поведения на море»: спокойное море — поэт «весел», когда же «Волны по берегам / Ревут, кипят и пеной блещут...», автор благоразумно прячется на берегу, откуда созерцает невзгоды рыбака, который «Живет на утлом он челне, / Игралоце слепой пучины...» [8, с. 148]. В «Песни о вещем

Олеге» присутствуют те же приметы разбушевавшейся морской стихии: «...И синего моря обманчивый вал» [8, с. 218].

Таким образом, цвет воды осеннего озера и странное состояние потенциальной опасности, «присвоенные» автором обыкновенному водоему в Псковской губернии, нарушают цельную и узнаваемую читателем картину Михайловского, изображенную в элегии. Присутствие в известном читателю тексте отмеченных выше «странностей» связано с ходом формирования идеи и сюжета произведения, который поначалу был несколько иным. «Атавизмы» первоначального замысла, появляющиеся в перебеленной рукописи, и есть, те шероховатости, которые при последующей обработке текста, возможно, были бы отредактированы и изъяты автором.

Концепция начального замысла элегии принципиально отличалась от известной нам окончательной редакции. В известном читателю печатном варианте воспоминания о том, о чем поэт вспоминал в 1824 году, носят абстрактный и общий характер: «Иные берега, иные волны...». Только биографические сведения о том, что поэт приехал в Михайловское из города Одессы, расположенного на берегу Черного моря, позволяют понять, о каких берегах, и о каких волнах он вспоминал. В черновом варианте от отправной хронологической точки воспоминаний: «Вот десять лет ушло с тех пор», — автор переходит к описанию места, где им владели эти самые воспоминания:

... А кажется вчера еще бродил
Я в этих рощах, и сидел недвижим —
На том холме — на озеро взирая
(и поминал полуденное море) ... [9, с. 997].

На первом этапе работы над текстом элегии и «озеро» и «море» являются всего лишь фоном авторских размышлений о нравственных переживаниях, связанных с вынужденным возвращением в Михайловское в августе 1824 года:

Здесь погруженный в
Я размышлял о грустных заблужденьях
Об испытаньях юности моей.
О строгом заслуженном осужденьи
О [мнимой] дружбе, сердце уязвившей
Мне горькою [и] ветреной <?> обидой — [9, с. 999].

В определении «полуденное море» в этот момент автору важны не оттенки морской стихии, а географическая привязка к месту событий, происходивших в «полуденном» крае. Слово «полуденный» в пушкинской лексике преимущественно соотносится с Крымом, Причерноморьем. В качестве такого «верстового», «полуденного» столба могли оказаться и другие объекты южной природы и южного ландшафта. Текст «Отрывка из письма Д.», созданного в Михайловском в декабре 1824 года, «демонстрирует» диапазон употребления слова «полуденный»: «Всю ночь не спал; луны не было; звезды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы», «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе», «Я объехал полуденный берег», «Сердце мое сжалось: я начал уж тосковать о милом полудне» [14, с. 437–439]. И «море», и «озеро», и «холм»,

в первоначальной версии автора — всего лишь объекты, сопутствующие воспоминаниям. В следующем черновом отрывке, поэт уточняет и детализирует экспозицию того места, где им овладевают воспоминания:

На том холме — над озером широким...
Вот ветхий домик —
Где жил я, с моею бедной няней ... [9, с. 997].

Теперь это не только «холм» и «озеро», но еще и «ветхий домик». Тот самый «домик», в котором в годы ссылки, вместе с поэтом, жила его няня Арина Родионовна. «Единственная подруга» и единственный свидетель его чувственных переживаний. Однако, няня, никогда не видела моря и, поэтому не могла поддержать разговор о вечно говорливой стихии моря. Характерно, что в пушкинских конспективных записях сказок, записанных поэтом от Арины Родионовны, отсутствует определение «синее море» [См.: 11, с. 362–367]. Лишь после литературной обработки эти сказки обретут характерный для описания южного моря эпитет «синее». Соответственно, образ ушедшей из жизни Арины Родионовны складывается из деталей, характерных именно для ее жизни. В том числе это относится к сравнению ее манеры повествования со звуками, окружающей природы:

... Как шум привычный и однообразный
Любимого ручья ... [9, с. 998].

В вариантах второй строки присутствуют также такие определения, как «домашней речки», «знакомого ручья». Таким образом, в стихотворении, исподволь, через сравнение, возникает тема местного колорита. Именно на этом этапе работы в воспоминания 1835 года о воспоминаниях 1824 года, связанных с жизнью в «полуденном крае» входят, быть может, случайно, воспоминания о деталях жизни в этом году в Михайловском. В русле этой тенденции детализируется описание местного озера, в первом варианте присутствовавшее в тексте в качестве условного обозначения. Теперь оно, озеро, становится «широким».

Определение «над озером широким» точно отражает местную, визуальную специфику озера Кучане. Оно, действительно, кажется большим и широким на фоне многих других озер, а, в особенности, находящегося рядом озера с говорящим названием «Маленец». В стихотворении «Деревня» 1819 года оба эти озера еще безымянны: «Двух озер лазурные равнины». В элегии необходимость локализации места воспоминаний провоцирует необходимость их уточнения и дифференциации. Поскольку автор пишет об «озере под холмом», рядом с домом, очевидно, что здесь подразумевается озеро Кучане. Авторское определение «широкое» озеро, по сути, проводит разграничительный водораздел между широким, большим озером Кучане и малым — Маленцем. Таков же, например, принцип официального топонимического обозначения соседствующих друг с другом разновеликих озер «Большой Иван» и «Малый Иван», находящихся в Невельском районе Псковской области. Кстати, эта, местная специфика, будет сохранена в перебеленном, несколько измененном, но принципиально отличающемся окончательном варианте: «Оно синяя стелется широко».

Далее, в черновике, работа над текстом продолжается. После некоторых воспоминаний, носящих характер «воспоминаний о воспоминаниях»: «О мнимой дружбе, о грустных заблужденьях... об обиде». Эта тема будет развита в отдельном черновом отрывке, но в окончательный текст не войдет. Возможно, поэт, вполне по-христиански, вспомнил о необходимости прощения врагов и обидчиков. А, может быть, повторил свою же сентенцию: «Что пройдет, то будет мило». Но линия воспоминаний о воспоминаниях житейских передраг и обид, заходит в тупик, а воспоминания о юге переходят в иную плоскость. Исповедь о чувствах и страданиях, связанных с утратой южного «рая», заменяется попыткой сближения «южной» и «северной» ссылок, слава богу, давно завершившихся. Эта мысль гения вполне понятна рядовому читателю: ссылка на север не многим лучше ссылки на юг, так как в обоих случаях осуществляется насилие власти над творцом. В русле этой новой концепции в тексте намечается сближение и поиск общности в единой, по сути, природе. Тем более, что, путь сближения южной и северной водной стихий ранее был уже опробован автором в черновом варианте стихотворения «К морю»:

Ты тих как сельская река
И бедный парус рыбаля
Твоею прихотью хранимый
Скользит поверх твоих зыбей
Но ты выиграл — неодолимый
И тонет стая кораблей [8, с. 795].

Третий черновой отрывок выглядит следующим образом:

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал печально [и] глядел
На озеро вспоминая с грустью
Иные берега иные волны....
[Оно] меж нив и пажитей зеленых
Синея [стелется] [9, с. 999–1000].

Упоминание о «полуденном море» исчезает. Вместо него появляется почти универсальный для всех водных поверхностей образ «Иные берега иные волны...», слегка, через упоминание о характерных, в первую очередь, для моря волнах, напоминающий о первоначальном плане. Параллельно, автор осуществляет поиск таких черт и свойств у изначально безликого и безымянного озера, которые сблизили бы его с морем. И, судя по количеству вариантов к пятой строке отрывка, это дается автору нелегко: «Оно синеет в»; «Синеет в и»; [Оно] меж нив смиренных и: «[Оно] синеет между нив смиренных»; «[Оно] меж нив и пажитей [смиренных] раздольных».

Местоимение «оно», учитывая особенности хода работы над текстом элегии, несет в себе элемент двусмысленности: «оно» — это и псковское озеро, и «полуденное море». То есть, «оно» — это авторский вариант видения псковского озера сквозь призму воспоминаний о полуденном море. Глагол «синеет» становится «морским» вкраплением в осенний цветовой колорит озера. При этом автор, возможно, вспомнив стихотворение «Деревня», фиксирует не реальный осенний цвет озера, а возмож-

ность его появления в другое, летнее время года. Затем Пушкин вставляет «озеро, похожее на море» в контур берегов: «меж нив и пажитей». Но этот вариант явно противоречит поставленной задаче: найти нечто общее. Море — неведомое именно потому, что оно безбрежное. Далее, в работе над шестой строкой автор осуществляет попытку найти нечто общее между морскими просторами и озером, ставшем «широким» в результате противопоставления находящемуся по соседству малому озеру. Сравнение оказывается неудачным и не оправдывает заявленной ранее «морской» широты озера. Тогда поэт подыскивает стилистическое «оправдание» широте — «синяя стелется в разливе». Но и это компромиссное решение представляется не совсем точным, поскольку разливы, как правило, случаются в данной местности не осенью, а весной. Об этой специфике местной природы автору могли бы напомнить его же строки, относящиеся к описанию бесславного бегства Фарлафа во второй песне поэмы «Руслан и Людмила»:

...На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли [10, с. 23–24].

По-видимому, по созвучию со словом «разлив» далее появляется строка «синяя стелется; залив смиренный». Некоторая смысловая связь между двумя понятиями существует. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» в комментарии к слову «заливать» в качестве примера приводит выражение «эти луга заливают» [1, с. 597]. Очевидно, что речь идет о разливе, заливающим прибрежные луга вследствие таяния снега. Далее автор уточняет значение слова «залив»: «вода, залившаяся, вдавшаяся в землю, губа, заводь; он обширнее губы и более относится до моря, озера» [1, с. 597]. Поэт Пушкин слово «залив» воспринимал, как понятие, относящееся к описанию морской стихии. Об этом свидетельствуют, в частности, заключительные строки стихотворения «К морю»:

...В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн... [8, с. 296].

Слово «залив», в значении вдавшейся в сушу морской воды, предопределяет появление следующего определения — «лиман смиренный». Далее появляются неудачные варианты, в которых автор снова пытается обнаружить связь между озерной и морской стихиями: «через смиренно не плывут», «синяя стелется волны». И, наконец, появляется нелепый по отношению к озеру вариант, отражающий логику пушкинских сравнений, но приводящий автора к мысли о стилистической несопоставимости озера и моря: «смирненную пучину». На этом безуспешные попытки найти связующую нить завершаются. Убедившись, что найти «общее» невозможно, поэт стремительно и содержательно «разобобщает» две природные стихии, обнаруживая те приметы, которые отличают озеро от моря:

Ни тяжкие суда торговли алчной
Ни корабли, носители громов
<Его> кормой не рассекают вод —
У берегов его не видит путник
Ни гавани кипящей, ни скалы —
Венчанной башнями — оно синее
[Меж нив золотых и пажитей см <иренных>]
Через его <неведомые> воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод — по брегам смиренным
Разбросаны лачуги ... [9, с. 1000].

В результате вынужденного стилистического «отчуждения» складывается специфический «домашний» «портрет» псковского озера Кучане. В то же время, в результате поляризации двух объектов, данный отрывок, по праву, может считаться еще одним замечательным пушкинским поэтическим описанием моря. Более того, вариант, в котором появляется слово «лиман», позволяет сделать предположение о более узкой, нежели просто морской, географической соотнесенности данного описания. Слово «лиман» в пушкинское время означало: «... *черноморск.* широкое устье реки, впадающей в море; морской залив, в который вышла река; || длинный морской залив, в балке, логу, заносимый с моря пересыпью и обращаемый в соленое озеро. || *Донск.* чистое озеро, без камышу и зарослей...» [2, с. 252].

На Дону поэт побывал в 1820 и 1829 годах. Не исключено, что там он мог видеть «чистые озера», которые местное население называло «лиманами». Однако, очевидная апелляция к морю в тексте элегии смещает вектор наших поисков в сторону Черного моря. Куяльницкий, Тилигульский, Бугский, Днепровский лиманы поэт видел и пересекал в дорожной карете во время путешествий по Причерноморью. В том числе, на пути из Одессы в Михайловское в августе 1824 года. Но, поскольку лиманы, «расширенные устья», могут тянуться на многие километры, пересекая их в карете, увидеть находящееся за полями, за горами море не всегда представляется возможным. Кстати, озеро Кучане тоже является расширенным руслом, но не моря, а реки Сорочь. На этом сходстве могло, наверное, возникнуть пушкинское сравнение озера с лиманом. Тогда его истоки следует отнести к впечатлениям поэта от дороги из Одессы в Михайловское.

Тем не менее, возможный причерноморский адрес «лимана» в пушкинской элегии требует комментария. Об этих лиманах, среди которых был самый полноводный и протяженный Днепровский лиман, Пушкину могло быть известно из первого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «...Константин Багрянородный описал нам, как Россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля. Доплыв благополучно до Лимана, они исправляли мачты, паруса, рули; входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции» [4, с. 103–104]. Возможно, сведения, полученные из «Истории» Н. М. Карамзина, предопределили появление на карте Украины, которую Пушкин в 1827 году изображает в рабочей тетради ПД 833 [15, с. 281], появление

географического пункта «Лиман», находящегося в районе современного города Очаков. Поэт пишет слово «Лиман» с заглавной буквы, как у Карамзина. Точно так же, с заглавной буквы, пишется слово «Лиман» в тексте стихотворения «Бородинская годовщина» (1831 г.):

Куда отвинем строй твердынь?
За Буг? до Ворсклы, до Лимана? [9, с. 274].

Кажется, есть все основания истоки пушкинского морского описания отнести к «причерноморским» впечатлениям автора. Но известные нам географические описания Причерноморья XIX века не позволяют соотнести реальную картину этой местности с пушкинскими образом скалы, «венчанной башнями». Морской берег от Одессы до Крыма может быть высоким, но он и в позапрошлом веке, и нынешнем был и есть песчаный. Кроме того, в черновиках элегии слово «лиман» автор впервые пишет с маленькой буквы. Поэтому представляется возможным рассмотреть еще один вероятный адрес пушкинского морского пейзажа в черновиках элегии «...Вновь я посетил». Он связан еще с одним, не упомянутым в словаре В. И. Даля, значением слова лиман. Это значение фиксирует «Этимологический словарь» М. Фасмера: «Лиман — род. п. -а «широкое устье реки, морской залив», южн., донск.; укр. лиман — то же. Через тур., крым.-тат., кыпч. *liman* гавань» [20, с. 497]. В крымско-татарский язык слово *liman* проникло из греческого, в котором обозначало и обозначает «гавань», бухту», «пристань». Во время греческой колонизации названия новых городов на побережье Черного моря зачастую складывались из двух слов. Первое — качественное определение места, второе — его местонахождение. Так, например, современный город Черноморск ранее носил название «Калос Лимени» («прекрасная гавань»), а местность неподалеку от Херсонеса в «Географии» Страбона обозначена Символон Лимен («гавань предзнаменований»). Любую бухту, гавань или пристань греки называли «лиманом». Это слово вошло в речевой обиход «сухопутных» татар, переселившихся из Азии на Крымский полуостров. В этом, греческом, значении слово «лиман» Пушкин мог слышать из уст местного населения во время своего путешествия по Крыму.

О «крымском» значении слова «лиман» поэту могло быть известно из письменных источников. В своих мемуарах Иван Иванович Липранди отмечал особый интерес Пушкина к истории Новороссии: «...Не знаю, какие книги Александр Сергеевич брал у помянутых лиц в Кишиневе, но у меня не было никаких других, кроме тех, которые говорили о крае с самой глубокой древности; я тогда занимался некоторыми разысканиями и сводом повествований разных историков, древних и им последовавших, вообще о пространстве, занимающем Европейскую Турцию. В первую половину пребывания Пушкина в Кишиневе он, будучи менее развлечен обществом, нежели во вторую, когда нахлынули молдаване и греки с их семействами, действительно интересовался многими сочинениями, и первое сочинение, им у меня взятое, был Овидий; потом Валерий Флакк («Аргонавты»), Страбон, которого, впрочем, возвратил на другом день, Мальтебрюи [это до сих пор отмечено в моем каталоге: «у Пушкина». Я заметил, что Пушкин всегда после спора о каком-либо предмете, мало ему известном, искал книг, говорящих об оном] и некоторые другие, особенно относящиеся до истории и географии; но, исключая вышеприведенных, которые он держал долго,

другие возвращал скоро и завел было журнал, но потом как-то я спросил его о нем уже в Одессе, он отвечал мне: "Скучно; бросил, кое-что есть, а сам не знаю что"» [6, с. 303–304].

Позднее, в 1833 году, поэт приступил к переводу «Одиссеи» Гомера. По-видимому, источником для него послужила книга, изданная в Глазго Андреем и Яковом Дункан в 1819 году. «Книга находилась в библиотеке поэта. Пушкин сделал перевод первых шести стихов первой песни «Одиссеи» [См.: 14, с. 89–90]. Однако, этот факт не исключает возможности беглого знакомства поэта со всем произведением древнегреческого автора, описавшем в «Одиссее», в частности, и ту местность, которая впоследствии стала называться Крымом.

Если принять гипотезу о «крымском» происхождении «морских» эпитетов в черновиках элегии, все становится на свои места. В произведениях поэта, посвященных Крыму и крымскому побережью, легко найти близкие по стилистике и содержанию описания. Например, изображение Гурзуфа в стихотворении 1821 года «Кто видел край, где роскошью природы...»:

Когда луна сияет над заливом,
Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в забвеньи горделивом
Развалины, поникшие челом.
Старик Сатурн в полете молчаливом
Снедает их...
И волны бьют вокруг валов обгорелых
Вкруг ветхих стен и башен опустелых [8, с. 615].

Пушкинская элегия «...Вновь я посетил» является произведением, рождавшимся на основе сложного, а порой противоречивого переплетения смыслов, возникавших на основе разновременных авторских воспоминаний. Как следствие, в публикуемом ныне варианте произведения присутствуют не отредактированные автором «следы» работы над текстом в виде не характерных для местного ландшафта эпитетов и определений. Это обстоятельство необходимо учитывать в процессе филологического восприятия пушкинского произведения.

Если рассматривать элегию с позиций садово-паркового искусства, обнаруживается, что в ней удивительным образом сближаются идеологические постулаты русской усадебной культуры с полетом творческой фантазии гения. Некий «холм лесистый» через литературный посыл обретает контуры усадебного «парнаса», с высот которого возможно не только любоваться окрестностями, но и погружаться в иллюзорное бытие «иных берегов». В элегии этими «берегами» становится полуостров Крым, в прошлом — часть античного мира. Того далекого мира, в городах которого некогда строились храмы Аполлона и процветал культ муз, красоты и поэзии.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1979.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 2. М.: Русский язык, 1979.

3. Гордин Я. М. Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12-ти т. Т. I. / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1989.
5. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова. М.: Изд-во СЛОВО/SLOVO, 1999. Т. IV.
6. Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т. I / Под общ. ред. В. В. Григоренко и др. М.: Художественная литература, 1974.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 1.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 2.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 3.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 4.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 8.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 13.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 16.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 17.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-ти т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 18. Дополнительный том. Рисунки.
16. Русские народные песни / Сост. А. М. Новикова. М.: ГИХЛ, 1957.
17. Сиреневый туман. / Сост. А. Денисенко. Новосибирск: Мангазея, 2001.
18. Современник. Санкт-Петербург. 1837. Т. V. С.320.
19. Сокольская О. Б. История садово-паркового искусства. М.: Инфра-М., 2004.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
21. Федорова Е. М. Музейные объекты Михайловского в путеводителях XX века: «холм лесистый» // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы — Москва. 2005.